

Полукаров А.В.

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация: Исследуются коррупционные преступления в социальной сфере. В качестве общей для всех государств – в том числе и России – характеристики коррупционных преступлений социальной сферы является отсутствие специальных составов коррупционных преступлений в социальной сфере. Действительно, как уголовное право Российской Федерации, так и зарубежных государств не знает специальных составов коррупционных преступлений в социальной сфере. Исключениями остаются лишь коррупционные действия при выполнении определенных государственных функций (отправление правосудия например), в отношении которых выделяются специальные составы коррупционных преступлений на основе особенностей субъекта или объекта преступления и которые ограничиваются по большей части выполнением функций в сфере отправления правосудия; избирательного права; военной службы и т.п. Методологический базис исследования представлен диалектическим методом с присущими ему требованиями объективности, всесторонности, историзма, конкретности истины. Из числа общенаучных методов исследования используются методы анализа, синтеза, сравнения, измерения. В качестве частнонаучных методов будет использован формально-юридический и сравнительно-правовой метод. Выявлено что, в государствах где в социальной сфере доминирует частный сектор экономики, коррупционных преступлений на базовом уровне – т.е. на уровне взаимодействия обучающегося или пациента в отношениях с врачом/преподавателем – практически нет и быть не может, тогда как основная масса коррупционных и относимых к ним зарубежной наукой уголовных преступлений совершается на уровне субъектов, взаимодействующих с органами государственной власти (частные клиники, частные образовательные учреждения и т.п.).

Ключевые слова: Международное право, правоохранительные органы, коррупция, противодействие, социальная сфера, уголовное право, коррупционные преступления, общественная безопасность, международно-правовые акты, медицинские услуги.

Review: The article studies corruption-related crimes in the social sphere. The author notes the common feature of corruption-related crimes in this sphere in Russia and abroad – the absence of special components of corruption-related crimes in the social sphere. Indeed, the legislation of Russia and foreign state doesn't provide special components of corruption-related crimes in the social sphere. The only exceptions are the acts of corruption in particular public functions (for example, in delivery of justice). In such cases, special components of corruption-related crimes are separated on the base of the peculiarities of a subject or an object of a crime and are limited to performing the functions in the sphere of delivery of justice, electoral law, military service, etc. The research methodology is based on the dialectical method with its requirements for objectivity, comprehensiveness, historicism and the specificity of truth. The author applies general scientific methods, including the methods of analysis, synthesis, comparison and measurement. Among special methods, the author uses formal legal and comparative legal methods. The author finds out that in the states with the prevailing private sector of the economy, there are practically no corruption-related crimes on the basic level, i.e. on the level of interaction between a student or a patient with a teacher or a doctor, since most corruption-related crimes are committed on the level of subjects interacting with public authorities (private clinic, private educational institutions, etc.).

Keywords: Medical services, international legal acts, social security, corruption-related crimes, criminal law, social sphere, prevention, corruption, law enforcement agencies, international law.

В качестве общей для всех государств – в том числе и России – характеристики коррупционных преступлений социальной сферы является отсутствие специальных составов коррупционных преступлений в социальной сфере. Действительно, как уголовное право Российской Федерации, так и зарубежных государств не знает специальных составов коррупционных преступлений в социальной сфере. Исключениями остаются лишь коррупционные действия при выполнении определенных государственных функций (отправление правосудия например), в отношении которых выделяются специальные составы коррупционных преступлений на основе особенностей субъекта или объекта преступления и которые ограничиваются по большей части выполнением функций в сфере отправления правосудия; избирательного права; военной службы и т.п. Таков например подход французского, немецкого и британского законодателей. Так, во Франции существуют специальные составы коррупционных преступлений в сфере правосудия, которые рассматриваются законодателем как особо опасные, и которые выделены в отдельный состав на основе специализации субъекта преступления – представителя судебной власти (см. ст. 434-9 УК Франции). Аналогичен и подход немецкого законодателя который выделил в отдельный состав коррупционные преступления совершенные в рамках избирательного процесса (Abgeordnetenbestechung) (§ 108 e УК ФРГ). Интересен и подход британского законодателя, который в законе «О взяточничестве» (Bribery Act 2010) выделил (ст. 6) в отдельные составы преступления коррупционные действия в отношении зарубежных должностных лиц (Bribery of foreign public officials).

Как следствие, исследование характеристики коррупционных преступлений как в российском, так и зарубежном праве осуществляется – за редкими исключениями – в рамках изучения нормативного материала, общего для всех коррупционных преступлений. Лишь отдельные аспекты борьбы с коррупционными преступлениями в социальной сфере обладают особенностями в сравнении с борьбой с аналогичными преступлениями в других сферах, что, таким образом, сводит особен-

ности характеристики коррупции в социальной сфере к криминологическим, а не к сугубо юридическим аспектам данного явления.

Несмотря на такую общность в вопросах характеристики коррупционных преступлений в социальной сфере, заключающуюся в отсутствии особенностей антикоррупционного законодательства и судебной практики для коррупционных преступлений именно данной сферы, зарубежное уголовное право серьезно отличается от российского уже на уровне самого понятия коррупционных преступлений. Если не останавливаться на исключительно этимологическом понятии коррупции, которая понимается в ряде иностранных языков очень узко, а именно только как дача/получение взятки или совершение (коммерческого) подкупа, а не как совокупность различных корыстных преступлений, совершаемых должностными лицами (злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями и т.п.), а также лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации (коммерческий подкуп), то мы обнаружим, что в отличие от российского правопорядка, где существует широкое законодательное определение коррупции, для зарубежных правопорядков такой подход не характерен. Действительно, несмотря на существование практически во всех зарубежных государствах ряда законов, направленных на борьбу с коррупцией, редки из них те которые дают четкое законодательное определение коррупционных преступлений. Исключением, служат лишь отдельные примеры законодательства федеральных земель ФРГ, касающиеся совершенствования борьбы с коррупцией (Korruptionsbekämpfungsgesetze), которые впрочем не относятся к уголовному праву, так как последнее, несмотря на конкурирующую компетенцию федерации и земель в данном вопросе, регулируется здесь федерацией (Strafgesetzbuch). Как следствие, за неимением широкого законодательного понятия коррупции в зарубежном праве существуют лишь доктринальные понятия коррупционных преступлений, количество которых потенциально неограниченно[1], что затрудняет сравнительный анализ российского и зарубежного антикоррупционного права.

В отличие от узкого законодательного использования термина коррупции, пример которому мы обнаружим во французском уголовном праве, где она определяется как эквивалент дачи/получения взятки и совершения подкупа, в зарубежной науке уголовного права и криминологии, напротив, понятие коррупции включает в себя ряд правонарушений которые не относятся ни российским законодательством ни российской наукой уголовного права к коррупционным. Дело в том, что в отсутствии широкого понятия коррупции – подобного тому, которое содержится в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», зарубежная доктрина уголовного права использует довольно широкий подход к данному понятию, определяя его как «использование силы (должностного положения или управленческой функции) в личных интересах» [2]. Как следствие, зарубежная наука уголовного права и криминалистика относит к коррупционным преступлениям даже мошенничество и вымогательство при условии что они совершается субъектом с использованием служебного положения. Как следствие, если применить такой подход к понятию коррупции, то на практике к коррупционным преступлениям – в частности в социальной сфере (например в сфере здравоохранения) – можно отнести собственно дачу/получение взятки в рамках отношений врача с пациентом[3], в рамках отношений фармацевтических компаний при сертификации медицинских препаратов, а также мошенничества при возмещении затрат на медицинские услуги, или даже вымогательства представителями антидопинговых агентств в отношении спортсменов заподозренных в приеме запрещенных препаратов. Т.е. такой подход позволяет отнести к коррупционным как собственно коррупционные преступления, так и не коррупционные преступления. Таким образом, в зарубежной науке уголовного права выделяется ряд следующих коррупционных преступлений в сфере (например) здравоохранения, которые не совсем совпадают с понятием коррупции в российском праве: взяточничество при предоставлении медицинских услуг (bribery), коррупционные преступления при совершении закупок медикаментов и медицинских устройств

(procurement corruption), нарушение правил маркетинга при выводе медикаментов на рынок (improper marketing), злоупотребление положением (misuse of position), злоупотребление при возмещении затрат на медицинские услуги (undue reimbursement claims)[4] и т.п.

Если при анализе характеристики в зарубежном праве коррупционных преступлений в целом и коррупционных преступлений в социальной сфере в частности не ограничиваться лишь понятием коррупции, а проанализировать смежные понятия, то мы обнаружим что недостатки связанные с отсутствием законодательного определения коррупции в зарубежном праве сведены на нет. Так, например, понятие взятки в англосаксонском праве (bribery) является настолько широким, что включает в себя как собственно понятие взятки, подкупа, так и злоупотребление служебным полномочием. Действительно, помимо уже упомянутого нами Закона США о борьбе с практикой коррупции за рубежом от 19 декабря 1977 г. понимающего под коррупцией в том числе и коммерческий подкуп, закон Королевства Великобритания и Северной Ирландии (далее – Великобритания) «О взяточничестве» от 8 апреля 2010 г. определяет взятку как «получение одним лицом финансовых или других преимуществ (financial or other advantage) от другого лица, в пользу которого первое осуществляет не соответствующие его функциям действия (improper performance of a relevant function or activity)» (ст. 1). Очевидно, что настолько широкое понятие обладает рядом недостатков, так как оно, наш взгляд, не позволяет конкретно определить состав преступления и не обеспечивает, на первый взгляд, достаточных гарантий субъекту правонарушения. В тоже время стоит иметь ввиду, что говоря о правовых системах common law, необходимо учитывать, что все недочеты законодателя здесь с лихвой восполняются обильной судебной практикой. Более того, такое понятие позволяет интегрировать практически все корыстные преступления совершаемые лицом выполняющим определенные должностные функции не классифицируя их на различные составы преступления.

Подход британского законодателя к понятию взятки отличается не только тем, что интегрирует в себя не относящиеся к взя-

точничеству правонарушения совершаемые должностными лицами, но и тем что он в отличие от российского законодателя, он не различает между, собственно говоря, понятием получения/дачи взятки (ст. 290 УК РФ), рассматриваемыми как преступления против государственной службы совершаемые должностными лицами, и коммерческим подкупом (ст. 204 п. 3 УК РФ), т.е. преступлением совершаемым лицом выполняющим управленческие функции в (коммерческой) организации. Стоит отметить, что в отличие от британского законодательства в российском правовом порядке данные коррупционные правонарушения не только регулируются разными нормами, но и даже расположены в разных главах УК РФ. Более того, за данные преступления в российском правовом порядке применяются различные уголовные санкции, что предполагает различные уровни общественной опасности данных преступлений. Таким образом, в отличие от британского права, но в соответствии с примерами антикоррупционного законодательства других стран континентального права, в российском праве коррупционные преступления классифицируются в зависимости от того направлены ли они против интересов государства или против интересов частных структур, и носят разный уровень общественной опасности в зависимости от объекта посягательства.

Действительно, подход французского законодателя схож в данном вопросе с российским, что свидетельствует о близости систем континентального права. В отличие от британского примера понятия взятки, а также других систем общего права, как российское, так и французское уголовное право различают составы преступления в зависимости от субъекта преступления. Так, если получение взятки, совершаемое должностным лицом (*une personne dépositaire de l'autorité publique*) (ст. 432-11 УК Франции), отнесено французским законодателем к блоку преступлений против государственной службы, расположенному в одноименной части Уголовного кодекса – «преступления против государственной службы» («*Des atteintes à l'autorité de l'Etat*»), то получение взятки лицом не выполняющим должностных функций (т.е. коммерческий подкуп (ст. 445 УК Франции)) регулируется от-

дельным нормативным блоком французского уголовного кодекса – частью VI четвертой Книги Уголовного кодекса «Преступления против общественного доверия». В тоже время стоит отметить, что французское уголовное законодательство характеризуется более высоким уровнем детализации и методичностью классификации преступлений вообще, так как здесь – в отличие от российского законодательства – получение взятки, или пассивная коррупция (*la corruption passive*), расположено в отдельной от дачи взятки, или активной коррупции (*la corruption active*), главе. В любом случае, согласно французскому законодательству коррупция совершенная в отношении частного лица (коммерческий подкуп) носит меньший общественно опасный характер, чем коррупция совершенная против государственной службы: максимальные сроки лишения свободы предусмотренные в качестве наказания за коррупцию против государственной службы (10 лет) в два раза превышают аналогичные сроки, предусмотренные за коррупционные преступления против интересов частных лиц (коммерческий подкуп) – максимальный срок лишения свободы в данном случае не может превышать 5-ти лет.

Подобен российскому и подход немецкого законодателя, который также предусмотрел различные составы преступления в зависимости от того направлены ли они против интересов государства или против интересов частных структур. Действительно, согласно немецкому антикоррупционному законодательству преступления направленные против интересов государства и против интересов частных структур имеют разный уровень общественной опасности. Так, взяточничество (*Bestechung*) – т.е. преступление совершенное должностным лицом против интересов государства (*Straftaten im Amt*) и коммерческий подкуп (*Bestechlichkeit und Bestechung im geschäftlichen Verkehr*) – т.е. преступления совершенные против интересов коммерческого оборота (*Straftaten gegen den Wettbewerb*), носят различную общественную опасность, что отразилось и в предусмотренных за данные преступления наказаниях: до 5 лет лишения свободы за получение взятки (параграф 334 УК ФРГ) и лишь до 3 лет лишения свободы в случае с коммерческим подкупом (параграф 299 УК ФРГ).

Коррупционные преступления признаются серьезными общественно опасными преступлениями и являются уголовно наказуемыми в любом государстве. Действительно, во всех без исключения государствах коррупционные преступления являются по большей части уголовно – а не лишь административно – наказуемыми деяниями. В тоже время, несмотря на такое сходство правовое регулирование данного вопроса в различных государствах обладает отдельными особенностями.

Так, например, в Великобритании, закон «О взяточничестве» от 8 апреля 2010 г. определяет (ст. 11) в качестве наказания за такие преступления лишение свободы сроком до 10 лет, а также уточняет что при отправлении правосудия в рамках данных дел применяются уголовно-процессуальные законы (criminal justice acts). Аналогичное наказание предусмотрено и французским законодателем: Уголовный кодекс Французской республики предусматривает в качестве общего наказания (например) за получение взятки лишение свободы сроком до 10 лет (ст. 432-11), а также возможность наложения штрафов, отдельные из которых – как и в российском уголовном праве – могут исчисляться из расчета размера взятки. Более мягок немецкий федеральный законодатель, предусмотревший в качестве максимального наказания в виде лишения свободы сроком до 5 лет (параграф 334 уголовного кодекса ФРГ), что объясняется, на наш взгляд, невысоким уровнем коррупции в данном государстве.

Стоит обратить внимание на различия российского и зарубежного уголовного права в вопросе назначения наказаний за дачу (получение) взятки в частности и коррупционные преступления в целом. В российском уголовном законе данный вопрос довольно детально урегулирован, а органам правосудия – коррелятивно – предоставлена меньшая дискреция при назначении и выборе наказания за коррупционные преступления. Напротив, в зарубежных государствах – причем даже в системах континентального права – органам правосудия предоставляется большая доля усмотрения при назначении и выборе наказания, а закон, как правило, ограничивается лишь установлением наибольшего предела (штрафа, срока лишения

свободы и т.п.). Наконец, англосаксонское уголовное законодательство в лице британского примера, является, по всей логике, наименее подробным, а органам правосудия здесь коррелятивно предоставляется наиболее высокий уровень усмотрения.

Общим для всех государств является и наказуемость деяний как со стороны активного, так и со стороны пассивного субъекта коррупционной деятельности, что также свидетельствует на наш взгляд о том, что коррупция рассматривается в любом из право порядков как высоко опасное преступление. Так, например, как и российском уголовном законе, взятка и коммерческий подкуп наказываются как с пассивной, так и с активной стороны, т.е. со стороны не только взяткополучателя, но также и взяткодателя. Так французский уголовный закон криминализирует активные коррупционные действия (ст. 433-11 УК Франции). Причем, стоит отметить, что он предусматривает равносильное уголовное наказание как для взяткополучателя так и для взяткодателя – наказание для обоих в виде лишения свободы сроком до 10 лет. Криминализация как активного поведения взяткодателя (Gebende) так и пассивного поведения взяткополучателя (Empfänger) в немецком уголовном праве [5] также налицо: так, криминализация коммерческого подкупа в рамках параграфа 299 УК ФРГ однозначно криминализирует как активное (часть 2-я) поведение взяткодателя, так и пассивное поведение взяткополучателя (часть 1-я), применяя к обоим субъектам данного коррупционного преступления одинаковые санкции. Аналогичен и подход британского законодателя который однозначно проводит различие между уголовно наказуемыми действиями взяткодателя (Offences of bribing another person) и уголовно наказуемыми действиями взяткополучателя (Offences relating to being bribed). Напомним, что в Великобритании, как и в других государствах, к взяткодателю и взяткополучателю применяются единые меры наказания (ст. 11 британского закона «О взяточничестве»).

Во всех без исключения государствах помимо наказания в виде лишения свободы, в качестве одного из основных наказаний предусмотрено наложение штрафа на виновное лицо, что является вполне логичным для ко-

рыстных преступлений где инкриминируемые действия чаще всего приобретают именно денежную выражение. Серьезные отличия в законодательстве и практике наложения штрафов за коррупционные преступления мы можем обнаружить между англосаксонскими странами и странами континентального права. Если как и во всех государствах, штраф за коррупционные преступления может быть дополнительной – к лишению свободы – мерой наказания, то его размер значительно варьируется от одного государства к другому. Чаще всего, за коррупционные преступления законом устанавливаются максимальные размеры штрафа в конкретном денежном выражении, а также штрафы исчисляемые их расчета сумм полученных в результате коррупционных действий (Франция). В других государствах размеры штрафов за коррупционные действия не ограничены законодателем. В последнем случае, речь в первую очередь идет о странах англосаксонского права, где судьи при применении наказаний обладают большей – в сравнении с коллегами континентального права – дискрецией, а также возможностью применять уголовные наказания в отношении юридических лиц [6]. Стоит отметить, что гипотетическое введение уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления в российском правовом порядке потребует пересмотра подхода определению размера штрафов за них.

Стоит также отметить что практически во всех государствах коррупционные преступления относятся, как минимум, к категории тяжких. Мы частично уже рассмотрели данный вопрос в том что касается наказаний за совершение данных преступлений – критерий являющийся основным при определении категории преступления (ст. 15 УК РФ). В тоже время, стоит обратить внимание и на другие характеристики коррупционных преступлений в зарубежном праве свидетельствующие о том, что они являются тяжкими, высоко общественно опасными преступлениями. Так, например, если принять во внимание, что в связи с устоявшимся мнением – в том числе и законодателя (п. 2 ст. 30 УК РФ) – к категории тяжких и особо тяжких преступлений относят те из них даже подготовка к которым влечет за собой уголовную ответственность, то мы мо-

жем с уверенностью отнести коррупционные правонарушения любого правового порядка к тяжким. Так, несмотря на тот факт что в немецком уголовном праве уголовное наказание за коррупционные преступления в среднем не превышает 5-ти лет лишения свободы, его можно отнести к категории тяжких в связи с наказуемостью даже действий по подготовке отдельных коррупционных преступлений. Несмотря на отличие классификации преступлений, или как называет французская наука уголовного права – типологии преступлений [7], во французском уголовном праве отдельные составы коррупционных преступлений здесь также относятся к категории тяжких (crimes). Более того, здесь вне зависимости от того относится ли коррупционная деятельность к тяжким (crimes) или преступлениям средней тяжести (délits), уголовное наказание – также как и в немецком уголовном праве – предусматривается даже за неоконченное преступление. Все это свидетельствует еще раз о том, что законодатели различных государств осознают высокую общественную опасность коррупционных преступлений.

Наиболее ярким отличием зарубежного уголовного права от российского, в том числе и в части антикоррупционного уголовного права, является наличие уголовной ответственности юридических лиц, которая в принципе может быть применена в рамках коррупционных преступлений только на активной стороне (т.е. взяткодателя) [8]: взяткополучателем (пассивным субъектом) в любом правовом порядке всегда является физическое лицо – государственный служащий в случае с коррупционными преступлениями, направленными против государственной службы, или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, в случае с коммерческим подкупом. В тоже время, юридические лица могут выступать в рамках коррупционных преступлений (в рамках коммерческого подкупа) в качестве жертв данных преступлений.

Стоит отметить, что ответственность юридических лиц за коррупционные преступления в социальной сфере имеет первостепенный интерес, так как, несмотря на высокую латентность, по статистике [9] доля коррупционных преступлений, связанных например

с лицензированием лекарственных средств, довольно высока, а опосредованными выгодоприобретателями и активными субъектами в таких уголовных делах являются в первую очередь именно юридические лица (в данном случае – фармацевтические компании). Гипотетически, уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления в социальной сфере также возможна и в сфере образования (например в случае с учебными заведениями при сертификации последних), но в тоже время количество таких примеров в зарубежной судебной практике редко, если не сказать исключительно.

Ответственность юридических лиц за коррупционные преступления наиболее ярким образом определена в британском законе «О взяточничестве», где совершению взяток юридическими лицами (by bodies corporate) посвящена отдельная статья (ст. 14), а в качестве непосредственного исполнителя таких преступлений признается директор (director) или один из руководителей юридического лица (senior officer). Британский закон предусматривает в данном случае раздвоение субъекта преступления и вменяет ответственность за такие преступления как непосредственно действующему физическому лицу (руководителю, менеджеру, директору), так и представляемому им юридическому лицу. Стоит отметить, что уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления является устоявшимся институтом, существующим здесь еще с XIX века (Public Bodies Corrupt Practices Act 1889) и развитым в последствии рядом законодательных актов направленных на борьбу с коррупцией (Prevention of Corruption Acts 1906 and 1916).

Французское уголовное законодательство наименее очевидно в отношении ответственности юридических лиц за коррупционные преступления. Законодатель здесь ограничился общим положением об уголовной ответственности юридических лиц (ст. 121-1 УК Франции). В тоже время подход к вменению ответственности юридическим лицам здесь аналогичен рассмотренному нами ранее британскому примеру, а именно «юридические лица ... являются уголовно ответственными... за преступления совершенные в их интересах их органами или представителями» (п. 1, ст. 121-2 УК Франции).

Аналогичным образом – то есть посредством общей формулировки, непосредственно не связанной с коррупционными составами преступлений – была закреплена и ответственность юридических лиц в немецком праве. Так в соответствии с параграфом 73 Уголовного уложения ФРГ к таким случаям применяется фикция при которой ответственным признается не только физическое лицо (Täter), непосредственно совершившее преступление, но и любое другое лицо (в том числе и юридическое) «в пользу которого совершено данное преступление» („für einen anderen gehandelt und hat dadurch dieser etwas erlangt“), т.е. выгодоприобретатель.

Если в отличие от британского правопорядка, ответственность юридических лиц была введена во французском и немецком правопорядках сравнительно недавно, актуальность расширения уголовной ответственности на юридических лиц в российском правопорядке [10], особенно в том что касается именно коррупционных преступлений в социальной сфере сложно переоценить. Действительно, необходимо принять во внимание тот факт, что в отличие от классических для публично-правовых субъектов сфер жизнедеятельности (поддержание правопорядка; управление правосудия; обеспечение безопасности) социальная сфера (здравоохранение, образование) не является исключительной компетенцией публично-правовых субъектов. Частноправовые субъекты (образовательные учреждения, больницы, фармацевтические компании) являются неотъемлемыми субъектами социальной сферы предоставляющими аналогичные публично-правовым субъектам услуги. Как следствие данные юридические лица участвующие в предоставлении социальных услуг могут являться потенциальными субъектами коррупционной деятельности, что свидетельствует об актуальности вопроса расширения уголовной ответственности на юридических лиц.

Стоит обратить внимание на две существенные особенности ответственности юридических лиц за коррупционные преступления в британском праве. Во-первых, помимо, собственно ответственности юридических лиц за коррупционные преступления, здесь существует так же ответственность за «не-

предотвращение коммерческими структурами коррупционных действий», которое предусматривает ответственность юридических лиц за действия связанных (associated) с ними организаций и лиц; т.е. не только лиц которые находятся под непосредственным контролем данного юридического лица, но и сотрудничающих с ними лиц (например организации-партнеры). Ряд дел из британской судебной практики показал, что ответственность организаций здесь возлагается в случае отсутствия адекватных процедур выявления коррупционных преступлений при взаимодействии юридических лиц, которые существуют в том числе и в работе неправительственных организаций социального сектора[11]. Во-вторых, общим для англосаксонского антикоррупционного права – что подтверждается как существованием уже упомянутого нами Федерального закона США по борьбе с практикой коррупции за рубежом (The Foreign Corrupt Practices Act), так и недавним коррупционным скандалом ФИФА – является наличие универсальной юрисдикции в отношении коррупционных дел. Действительно, как по британскому закону «О взяточничестве» (ст. 6), так и по американскому закону «По борьбе с практикой коррупции за рубежом» (§ 78dd-1) ответственность (как юридических, так и физических лиц) за коррупционные действия возлагается вне зависимости от места совершения преступления. Если подобное законодательство существует и в ряде других государств, то стоит все же отметить, что англосаксонские законодатели и правоприменители пошли намного дальше своих европейских континентальных коллег в данном вопросе.

Криминологическая характеристика коррупционных преступлений в социальной сфере зарубежных государств неоднозначна, так как если она и носит – как и в России – высоко латентный характер, то ее размах является куда менее значительным. Стоит также делать различие между западноевропейскими государствами, где коррупции – в русскоязычном значении этого слова – практически не наблюдается, а речь скорее ведется о вымогательстве, мошенничестве с использованием служебных полномочий, то, например, ASSPRO, European Policy Brief. Formal and informal out-of-pocket payments for health

care services in central and eastern European countries, February 2013, в восточноевропейских государствах уровень коррупционности в социальной сфере выше, а криминальные признаки схожи с российской коррупцией в социальной сфере.

Подробное изучение различных аспектов борьбы с коррупцией в социальной сфере зарубежных государств позволяет в качестве общего вывода заключить, что в любом из зарубежных государств основной проблемой коррупции в социальной сфере является именно проблема с коррупцией в сфере здравоохранения, тогда как аналогичные проблемы в сфере образования уходят на второй план. Это связано как с социальными, так и гуманистическими причинами. Действительно, по меткому замечанию неправительственной организации Трансперенси Интернэйшенл, подробно изучившей данный вопрос, именно коррупция в сфере здравоохранения обладает наибольшей общественной опасностью в сравнении с коррупцией в других отраслях социальной сферы, так как здесь она оказывает непосредственное влияние на здоровье и, даже, жизнь человека. Более того, аналогичного мнения придерживается и Комиссия Европейского Союза, которая сделала объектом пристального внимания именно коррупцию в сфере здравоохранения государств-членов, которая стала предметом отдельного специального исследования Еврокомиссии, игнорируя ситуацию с коррупцией в других социальных сферах.

Различные исследования в сфере коррупции в системе здравоохранения зарубежных государств позволяют выделить ее общие особенности[12] и отличия от российского подхода к решению данной проблемы. В тоже время, коррупционные преступления в сфере здравоохранения различаются от одного зарубежного государства к другому. Так, например в большинстве европейских государств, где существует система государственного социального (медицинского) страхования, наиболее яркими преступлениями является мошенничество при возмещении затрат на медицинские услуги, а большая часть уголовных правонарушений в социальной сфере сконцентрирована на уровне отношений пациент-врач-система медицинского страхования. В

свою очередь, в англосаксонских странах, где в социальной сфере доминирует частный сектор экономики, коррупция на таком базовом уровне и вовсе отсутствует. Основной проблемой здесь являются наиболее латентные формы коррупционных действий – сертификация и лицензирование медицинских препаратов, а также предоставление частным субъектам (клиникам, учебным заведениям) государственных субсидий. Таким образом, в государствах где в социальной сфере доминирует частный сектор экономики, коррупционных преступлений на базовом уровне – т.е. на уровне взаимодействия обучающегося или пациента в отношениях с врачом/преподавателем – практически нет и быть не может, тогда как основная масса коррупционных и от-

носимых к ним зарубежной наукой уголовного права преступлений совершается на уровне субъектов, взаимодействующих с органами государственной власти (частные клиники, частные образовательные учреждения и т.п.). По статистке, в таких государствах основным направлением коррупционной – а точнее, шире, уголовно наказуемой – деятельности в сфере здравоохранения является сертификация медикаментов и устройств, а также закупка и допуск медикаментов (сертификация) на рынок[13]. В свою очередь, в сфере образования основным направлением коррупционной деятельности является предоставление субсидий частным учебным заведениям, отмывание доходов, а также мошенничество при предоставлении информации обучающимся[14].

Библиография:

1. B. Bannenberg, Korruption in Deutschland und ihre strafrechtliche Kontrolle. Eine kriminologisch-strafrechtliche Analyse. Luchterhand. 2002. p. 13
2. J.G. Lambsdorff, Korruption als mühseliges Geschäft – eine Transaktionskostenanalyse. In : Pieth, Mark/ Eigen, Peter (Hrsg.): Korruption im internationalen Geschäftsverkehr. Bestandsaufnahme, Bekämpfung, Prävention. Neuwied, Kriftel 1999, S. 56–87.
3. Larsson R., 'Informal payments for health care: A threat to human security', Lund University, 2010.
4. A. Örtenblad, C. Abrahamson Löfström, R. Sheaff, Management Innovations for Healthcare Organizations: Adopt, Abandon or Adapt?. Routledge, 2015.
5. Schoenke, H. Schroeder, (Begr.): Strafgesetzbuch Kommentar. 26. Aufl. Muenchen 2001. S. 163
6. S. Ramage. Fraud and the Serious Fraud Office. iUniverse, 2005. 188 p.
7. J. Pradel, Droit pénal général, Cujas, 2014, 777 p.
8. M. Delmas-Marty. Criminalité économique et atteintes à la dignité de la personne. Les Editions de la MSH, 2001. 337 pages
9. Cohen J.C. Pharmaceuticals and corruption: a risk assessment. In Global Corruption Report 2006 London: Transparency International, 2006. pp. 77-84.
10. Полукаров А.В., Куракин А.В. О необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц за коррупцию в сфере здравоохранения // Административное и муниципальное право. – 2013. – № 1. – С. 24-29.
11. J. Horder, P. Alldridge. Modern Bribery Law: Comparative Perspectives. Cambridge University Press. 2013.
12. Rădulescu, I.G., Alexandru, G., Miu, A. Inside the Core of Corruption from the Health System. BULETINUL Universității Petrol – Gaze din Ploiești, 2008: Vol. LX (No 1): 43-50.
13. Cohen J.C. Pharmaceuticals and corruption: a risk assessment. In Global Corruption Report 2006 London: Transparency International, 2006. pp. 77-84.
14. F. De Simone, Transparency in US higher education job placement data// In Global Corruption Report: Education. London: Transparency International, 2013. pp. 160-167.

References (transliterated):

1. B. Bannenberg, Korruption in Deutschland und ihre strafrechtliche Kontrolle. Eine kriminologisch-strafrechtliche Analyse. Luchterhand. 2002. r. 13
2. J.G. Lambsdorff, Korruption als mühseliges Geschäft – eine Transaktionskostenanalyse. In : Pieth, Mark/ Eigen, Peter (Hrsg.): Korruption im internationalen Geschäftsverkehr. Bestandsaufnahme, Bekämpfung, Prävention. Neuwied, Kriftel 1999, S. 56–87.

3. Larsson R., 'Informal payments for health care: A threat to human security', Lund University, 2010.
4. A. Örtenblad, C. Abrahamson Löfström, R. Sheaff, Management Innovations for Healthcare Organizations: Adopt, Abandon or Adapt?. Routledge, 2015.
5. Schoenke, H. Schroeder, (Begr.): Strafgesetzbuch Kommentar. 26. Aufl. Muenchen 2001. S. 163
6. S. Ramage. Fraud and the Serious Fraud Office. iUniverse, 2005. 188 p.
7. J. Pradel, Droit pénal général, Cujas, 2014, 777 p.
8. M. Delmas-Marty. Criminalité économique et atteintes à la dignité de la personne. Les Editions de la MSH, 2001. 337 pages
9. Cohen J.C. Pharmaceuticals and corruption: a risk assessment. In Global Corruption Report 2006 London: Transparency International, 2006. pp. 77-84.
10. Polukarov A.V., Kurakin A.V. O neobkhodimosti vvedeniya ugovolnoi otvetstvennosti yuridicheskikh lits za korruptsiyu v sfere zdavookhraneniya // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. – 2013. – № 1. – S. 24-29.
11. J. Horder, P. Alldridge. Modern Bribery Law: Comparative Perspectives. Cambridge University Press. 2013.
12. Rădulescu, I.G., Alexandru, G., Miu, A. Inside the Core of Corruption from the Health System. BULETINUL Universității Petrol – Gaze din Ploiești, 2008: Vol. LX (No 1): 43-50.
13. Cohen J.C. Pharmaceuticals and corruption: a risk assessment. In Global Corruption Report 2006 London: Transparency International, 2006. pp. 77-84.
14. F. De Simone, Transperency in US higher education job placement data// In Global Corruption Report: Education. London: Transparency International, 2013. pp. 160-167.